УДК 811.113.6
5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Н.Ю. Линевич
Балтийский федеральный университет имени И. Канта

ДИНАМИКА СЛЕНГОВОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается динамика сленговой лексики в современном шведском языке. Анализируются основные функции сленга, механизмы его образования и пути перехода сленговых единиц в общеупотребительную лексику. Особое внимание уделяется роли социальных и коммуникативных факторов, а также влиянию цифровой среды на распространение и закрепление сленга.

Шведский язык, сленг, разговорная лексика, языковая динамика, цифровая коммуникация.

Понятие *сленг* возникло в устной английской речи в XVI–XVII вв., однако в письменных источниках начинает регулярно фиксироваться лишь с XVIII столетия. Первоначально данным термином обозначались слова и выражения, характерные преимущественно для представителей низших социальных слоев. С середины XIX века он стал использоваться для обозначения лексики сниженного регистра в целом, а в первой половине XX века приобрел современное значение, связанное с экспрессивной и социально маркированной речью [3].

Развитие сленга представляет собой динамичный процесс, а отношение к данному языковому явлению в лингвистике остается неоднозначным. Так, шведский исследователь У.-Б. Котсинас указывает на невозможность проведения четкой границы между сленгом и разговорной лексикой, поскольку оценка той или иной единицы во многом зависит от восприятия носителей языка. При этом в качестве характерных признаков сленга выделяются отклонение от стандартной нормы и выраженная экспрессивность [10].

В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой сленг определяется, с одной стороны, как разговорный вариант профессиональной речи, а с другой – как элементы разговорной речи той или иной профессиональной или социальной группы, которые, проникая в литературный язык или в речь лиц, не имеющих прямого отношения к данной группе, приобретают особую эмоционально-экспрессивную окраску и специфическую лингвостилистическую функцию [2].

В.А. Хомяков в работе «Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия» рассматривает сленг как относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт, включающий имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки. По мнению исследователя, сленг представляет собой компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, отличающийся неоднородностью происхождения, различной степенью приближения к литературному стандарту и наличием пейоративной экспрессии [5].

Несмотря на разнообразие существующих дефиниций, большинство из них сходятся в признании социальной ограниченности и функциональной обусловленности сленга.

Особый интерес представляет процесс перехода сленговых лексических единиц в общеупотребительный словарь. В шведском языке данное явление представлено достаточно широко: ряд слов, ранее относившихся к сленгу, со временем утрачивает стилистическую маркированность и становится частью повседневной речи. Так, лексемы *stilig* («стильный»), *skojig* («веселый») и *bussig* («славный»), изначально функционировавшие как сленговые, в настоящее время воспринимаются как стилистически нейтральные [9].

Переход сленга в общеупотребительную лексику не является случайным и обусловлен совокупностью лингвистических и социальных факторов, анализ которых и составляет цель настоящей статьи.

Сленг представляет собой не просто совокупность экспрессивных слов и выражений сниженного регистра, но сложный социолингвистический и психологический феномен. Одной из его ключевых функций является маркирование групповой принадлежности. Возникновение и функционирование сленговой лексики в шведском языке, как и в других языках, тесно связано с социальной структурой общества.

Использование специфических лексических единиц позволяет членам группы идентифицировать «своих» и «чужих», тем самым поддерживая символические границы сообщества. Данный механизм наглядно проявляется в профессиональной среде: выражение *att fälla ut kod* будет понятно специалисту в области IT, но окажется непрозрачным для носителей языка, не связанных с данной сферой [9].

Аналогичным образом функционирует и так называемая многоязычная городская речь, распространенная в некоторых районах крупных шведских городов. Использование отдельных заимствованных единиц (например, *yani*) может выступать маркером принадлежности говорящего к определенной социальной

группе. Исследования показывают, что выбор подобных средств во многом зависит от коммуникативной ситуации и намерений говорящего, что подчеркивает их функциональный характер [1].

В молодежной среде сленг нередко противопоставляется доминирующим языковым нормам и может рассматриваться как форма символического протеста. Быстрая сменяемость молодежного сленга объясняется стремлением к новизне и необходимостью дистанцироваться от предыдущих поколений. Вместе с социальными причинами значительную роль играют и психологические факторы: использование сленга способствует ощущению принадлежности к группе и служит способом самоидентификации.

Изначально сленг функционирует как маркер групповой принадлежности, однако со временем возможны различные сценарии его дальнейшего развития. Он может закрепиться в пределах узкого сообщества, выйти из употребления либо перейти в состав общеупотребительной лексики (*allmänspråk*) [6].

Одним из ключевых факторов такого перехода является функциональная востребованность слова. Показательным примером служит глагол *käka* (*есть*, кушать), который изначально обладал разговорно-сниженной окраской, но со временем стал повседневным неформальным эквивалентом *äta* [16].

Существенную роль играют и социальные условия распространения, в частности развитие цифровой коммуникации. Онлайн-среда, характеризующаяся высокой скоростью обмена информацией и широкой аудиторией, способствует ускоренному распространению сленговых единиц и их семантической стабилизации [12]. Характерным примером является глагол *chilla*, заимствованный из английского языка. Первоначально он использовался преимущественно в молодежной среде как более краткая альтернатива выражению *ta det lugnt*, однако в настоящее время активно употребляется представителями разных возрастных групп и фиксируется в медиадискурсе [10; 14]. Стремление к языковой экономии, особенно заметное в условиях цифровизации, является одним из факторов, способствующих подобным изменениям.

Как известно, нормативный словарь *Svenska Akademiens ordlista* (SAOL) отражает процессы обновления словарного состава шведского языка. При выходе очередного издания SAOL у людей всегда возникает особенный интерес к тому, какие слова были исключены и какие были добавлены. Если обратиться к последнему изданию, SAOL 14, то следует обратить внимание, что добавлено в него было более 13 000 слов, а исключено – более 9000. В настоящее время процесс принятия решения относительно того, что следует оставить, а что – убрать, не представляет особой сложности, поскольку при составлении словника используются электронные базы данных, с помощью которых можно точнее определить степень употребительности лексики. Так как в последние десятилетия в Швеции уделяется довольно большое внимание вопросам гендерного равенства, а также меньшинств, в SAOL 14 можно обнаружить некоторые соответствующие лексические единицы. Сам факт включения такой лексики в SAOL официально признает и закрепляет ее статус в языке [4]. Можно предположить, что похожим образом это происходит и со сленгом. В настоящее время, когда новые сленговые слова и выражения появляются буквально каждый день, далеко не все они приживаются и выходят за рамки определенных групп, в которых изначально используются. Таким образом, свое место среди прочих единиц в словнике сленговые слова получают, когда в той или иной степени закрепляются в речи и начинают использоваться уже не какой-то одной социальной группой, но и другими.

В пример можно привести слово *nörd*, вошедшее в SAOL 14. На русский его можно перевести англицизмом «нерд» или же словами «зануда», «ботаник». Если раньше оно считалось молодежным сленгом, несущим в себе уничижительное значение, то сейчас, во-первых, вошло в обиход многих людей, независимо от их социальной принадлежности и, во-вторых, стало нейтральным. Согласно определению, которое дается в SAOL, слово *nörd* используется для характеристики человека, настолько глубоко увлеченного чем-то, что выходящее за рамки этой увлеченности его мало интересует [17]. Не отмечено никакой негативной коннотации и не указано, что данное слово является оскорблением. В данном случае оно лишь дает нейтральную характеристику человеку. Рядом с ним стоит пометка «vard.», применяемая для обозначения разговорных слов, используемых людьми в повседневной жизни. Известно, что напротив слов, несущих в себе значение оскорблений, стоят стилистические пометы «nedsätt.», то есть «оскорбительное». Таким образом, можно прийти к выводу, что в том значении, в котором слово *nörd* внесено в SAOL, оно является уже не сленговым, а общеупотребительным.

Сопоставление словарей сленга с авторитетными нормативными словарями (SAOL, SAOB) показывает значительное совпадение словарного состава. Это позволяет предположить, что включение сленговой единицы в нормативный словарь является индикатором ее выхода за пределы исходной социальной группы и закрепления в языке.

Рассмотрим основные функции и способы образования молодежного сленга.

Известно, что природа сленговых слов и выражений обусловлена их отклонением от общеязыковых норм. Как было показано выше, отдельные сленговые лексические единицы со временем выходят за пределы социальных групп, в которых они возникли, и начинают широко использоваться в общей языковой практике. В результате, при сохранении неформальности и эмоциональной экспрессивности, нивелируется признак нарушения языковой нормы. Включение сленговых слов в нормативные словари свидетельствует об их закреплении в системе языка и широком употреблении, что, в свою очередь, приводит к утрате ими собственно сленгового статуса. Данный процесс обусловливает необходимость постоянного обновления сленгового слоя лексики.

Далеко не всегда сленговые слова образуются путем заимствований. Иногда они возникают благодаря изменениям в уже существующих и широко известных словах.

Проиллюстрировать данный процесс можно на примере присоединения к лексическим единицам

усилительных приставок. Так, для актуализации и усиления экспрессивности прилагательного *korkad* ‘глупый’ используются различные приставки, среди которых *dö-*, *as-* (отсылающие к семантическому полю смерти), а также *skit-*, *bajs-* (связанные с семантикой загрязнения и физиологических процессов). Выбор подобных приставок не является случайным и обусловлен их принадлежностью к тематическим сферам, традиционно маркируемым как табуированные в общественном дискурсе. В результате основное лексическое значение слова не претерпевает существенных изменений, однако за счет усилительных приставок значительно возрастает его экспрессивность, что приводит к очевидному нарушению языковых норм.

Также время от времени используется суффикс «-о». Изначально он пришел в шведский сленг из языка романи. Используется данный суффикс, например, в таких лексических единицах молодежного сленга, как *bonzo*, *fleppo*, *jinko*, *pundo*, *pucko*, *seppo* – все они имеют уничижительное значение и используются в качестве оскорблений. По смыслу наиболее близким для перевода каждого существительного на русский является словосочетание «глупый человек» или же слово «тупица».

Сленговые единицы могут образовываться также за счет использования причастных форм глагола в определенных контекстах. Лексемы, которые изначально не относятся к сленгу, в результате контекстуального переосмысления приобретают сленговое значение и выраженную негативную оценочность. В подобных случаях обозначаемое глаголом действие подвергается метафоризации и начинает выполнять оценочную функцию. К таким примерам относятся формы *blåst*, *sänkt*, *krängd*. По своему значению они соотносятся с примерами, рассмотренными в предыдущем абзаце, и в переводе на русский язык передаются как ‘глупый’, однако различаются оттенками значения и стилистической окраской.

Можно проанализировать процесс соотнесения основного смысла глагола и метафорического на примере слова *blåsa*, от которого образовано причастие *blåst.* Помимо своего основного значения «дуть», глагол может использоваться и в значении «обманывать». Фраза *bli blåst* переводится как «быть проведенным, надутым». Таким образом, причастную форму *blåst*, используемую в качестве оскорбления, более точно на русский можно было бы перевести как «простак», «простофиля», «лопух».

Глагол *sänker* в переводе означает «снижать, опускать». Возможно, используя его причастную форму *sänkt*, говорящий подразумевает сниженный уровень интеллекта того, о ком говорит.

Глагол *kränger* переводится как «крениться». Можно предположить, что в шведском сленге причастие *krängd* используется как в русском причастия «поехавший», «двинутый» – то есть в обоих случаях как бы отклоняющийся от нормы.

В ряде случаев по аналогии с причастными формами образуются сленговые лексические единицы, которые формально воспроизводят морфологическую модель причастия, однако не восходят к соответствующим глагольным основам. В таких случаях суффиксы, характерные для причастий, присоединяются к основам других частей речи.

Для образования подобных слов используются уже существующие лексические единицы с выраженной уничижительной семантикой, к которым добавляется суффикс *-ad*. Так, слово *miffad* образовано от существительного *miffo*, являющегося сленговой лексемой, этимологически связанной со словом *missfoster* ‘урод’. Данный пример демонстрирует многоэтапный характер сленгового словообразования: первоначально лексема *miffo* приобрела сленговый статус за счет суффикса *-o*, а затем подверглась дальнейшей деривации посредством присоединения суффикса *-ad*.

Еще один способ образования новых сленговых слов заключается в том, чтобы менять звуки в уже существующих сленговых лексических единицах. Например, слово *trög* (тугодум) может произноситься с удлиненной гласной. На письме Улла-Бритт Котсинас показывает это через удвоение гласной: *tröög*. Это придает слову дополнительную окраску. В некоторых случаях люди могут произносить звуки в ином порядке, например, *bunneltanan* (*tunnelbanan*). Еще один пример касается слова «*pucko*». В нем первый звук [p] может заменяться на [v] или [m] – *vucko*, *mucko*. Несмотря на то что такой феномен имеет место в языке, конкретные варианты измененных слов в нем, как правило, задерживаются ненадолго.

Употребление сленговых слов, вне зависимости от социальной группы или контекста, всегда свидетельствует о том, что общая обстановка коммуникации является неформальной. Когда речь заходит о сленге, всегда немалую роль играет сплоченность тех людей, в чьей речи его можно услышать. Тут уже важно сделать акцент на социальных группах. Их представители, используя те или иные сленговые лексические единицы, принятые в этой группе, вербально обозначают свою принадлежность к ней.

Прибегая к использованию сленга в своей речи, подростки не только подтверждают то, что идут в ногу со временем, следуя новым тенденциям, в том числе в языке, но и противопоставляют свое поведение и свою речь тому, чего от них ожидают. Как уже было замечено ранее, сленг, по сути своей, представляет некое отхождение от нормы. То есть можно предположить, что для некоторых молодых людей сленг может стать не только маркером идентичности, но и формой протеста. Многие подростки стремятся показаться взрослее и в том числе посредством использования сленга стараются обозначить, что они уже не дети.

Внутри большой группы, которую можно обобщить словом «молодежь», на самом деле, существует множество дополнительных подразделений. Это также находит отражение в языке. Некоторые подростки могут создавать сленг, актуальный лишь для их небольших компаний и, возможно, иногда непонятный другим людям. В своей работе «Ungdomsspråk» Улла-Бритт Котсинас приводит в пример группу девочек из Стокгольма, называвших абсолютно всех, кто им не нравился, *gökur»* [9]. В переводе это означает «часы с кукушкой». Не приводится никаких объяснений того, почему девочки выбрали именно это слово. Однако разных версий можно привести множество. Одной из

наиболее вероятных можно считать ту, согласно которой собственный сленг стал для девочек своеобразным секретным языком. Поскольку слово *gökur* не имеет какой-либо негативной коннотации и обычно не используется в качестве оскорбления, для девочек оно стало своего рода кодовым обозначением их неприязни к тому или иному человеку.

Несмотря на то что с точки зрения использования языка сленг скорее объединяет молодых людей как группу, он может также стать для них и способом самовыражения. Выдумывая новые слова, подростки могут демонстрировать друг другу свое остроумие и выделяться таким образом. В любом случае слишком сильного противоречия тут не возникает, поскольку происходит все это чаще всего в пределах одной социальной группы. Довольно редко слова выдумывают с нуля, чаще всего обращаются к приемам, рассмотренным в предыдущем пункте. Для понимания новых слов, реципиент должен быть знаком со значением того сленга, который берется за их основу, а также с правилами словообразования.

Использование сленга может рассматриваться как один из механизмов социализации, связанных с выстраиванием иерархий и границ внутри социальной группы. В ряде случаев словесные конфликты, основанные преимущественно на употреблении сленговых лексических единиц с уничижительной семантикой, выполняют функцию замещения физической агрессии. В связи с этим значительная часть сленговых слов и выражений носит оскорбительный характер.

Перейдем к рассмотрению основных функций и способов образования профессионального сленга. Профессиональный сленг представляет собой специализированный пласт лексики, функционирующий внутри конкретных профессиональных групп. В то время как молодежный сленг больше нацелен на социальную дифференциацию, профессиональный больше служит для оптимизации профессиональной коммуникации. К профессиональному сленгу относят разные сокращения, а также различные искаженные варианты слов, например, технических терминов. Также нередко используются юмористические названия каких-либо инструментов или манипуляций, применяемых в той или иной сфере [9]. Конечно, для тех, кто не имеет совсем никакого отношения с этой сфере, такой сленг будет непонятен.

Основные способы его формирования можно выделить на основе примеров, приведенных в работе Андерса Н. Нильссона «Om slangspråk, småkryp och amatörer», посвященной анализу сленга в профессиональной сфере энтомологии [7].

В некоторых случаях сленговые лексические единицы образуются путем усечения основы. Например, существует слово *preparera*, означающее в переводе «препарировать». С целью упрощения энтомологи сокращают его до «prepra».

В профессиональном сленге существуют также многочисленные примеры слов, образованных путем переноса значения. Так, термин *exhaustor* (в переводе на русский транслитерируется «эксхаустор» – приспособление для ловли мелких насекомых) в сленге превращается в *sug* (вакуумный прибор). Таким образом, слово, обозначающее вполне конкретный инструмент, заменяется тем, которое обозначает любые приборы, схожие с ним по назначению. Тем не менее, между собой энтомологи без труда разберутся, о чем конкретно идет речь.

Нечто похожее наблюдается в примере со сленговым словом *petmoj*, обозначающим препаровальную иглу для насекомых. По-шведски она называется *skaftad nål*. Можно сказать, что в образовании этой сленговой лексической единицы задействовано сразу 2 способа. Во-первых, существительное образовано путем сложения двух слов: *peta* и *moj*. *Peta* в переводе на русский означает «тыкать, ковырять», а *moj* – сленговое слово для обозначения каких-либо вещей, из русских слов наиболее близким по значению, вероятно, является «штука». Во-вторых, здесь также можно заметить перенос значения.

Разумеется, никакой сленг не обходится без заимствований. В случаях со сферами профессиональной деятельности, связанными с науками, многие заимствования происходят из латинского языка. Слова не просто заимствуются, но и претерпевают некоторые изменения. В примерах, выбранных для иллюстрации, можно заметить, что такая лексика адаптирована под правила шведского языка. Это может относиться к названиям видов. Так, *ichneumonidae* (ихневмониды) превращается сначала в *ichneumonider*, а после – в более упрощенный сленговый вариант *ickar*.

В профессиональном сленге энтомологов существует также ироничное название их профессии – *kusolog*. Таким образом, в этом случае часть слова *entomolog* заменяется разговорным вариантом названия насекомого *kuse*. В русском языке не существует эквивалентного перевода данного слова, однако, чтобы сохранить оттенок иронии, можно предложить вариант «охотники за насекомыми».

Профессиональный сленг характеризуется высокой степенью специализации и ориентирован на решение конкретных коммуникативных задач. Он принципиально отличается от молодежного основным назначением, но нельзя сказать, что механизмы его формирования являются уникальными. Так или иначе, все изменения, возникающие в языке с целью создания сленговых слов (вне зависимости от их назначения), нацелены на упрощение, а в случаях заимствований – на ассимиляцию.

Учитывая то, что некоторые молодежные сленговые слова и выражения со временем переходят в основной лексический состав, можно задаться вопросом, а возможно ли нечто подобное с профессиональным сленгом? Поскольку на данный момент этот вопрос практически не изучен, можно выдвинуть предположение, что ответ будет отрицательным.

Все же несмотря на то, что две эти категории представляют сленг, они обладают и фундаментальными различиями, влияющими на то, как и кем в последующем такая лексика используется. Все-таки в качестве одной из главных целей молодежного сленга можно назвать стремление группы подростков отделить себя от иных социальных групп. Профессиональный сленг, безусловно, также указывает на идентичность человека и обозначает его принадлежность к определенной социальной группе, но эта функция не является основной. В этом смысле гораздо более зна-

чимым фактором следует считать эффективность внутренней коммуникации, достигаемой благодаря использованию таких лексических единиц. И если молодежный сленг, как правило, предлагает альтернативы обозначения каких-либо распространенных явлений жизни, то в случае с профессиональным сленгом все обстоит в точности наоборот. Сленг молодежи распространяется множеством разных способов: через музыку, социальные сети, моду, подкасты, видео – любой тип контента, моментально набирающего большие охваты и привлекающего таким образом внимание представителей разных социальных групп. Контент, ориентированный на специалистов в каких-либо сферах, разумеется, пользуется гораздо меньшей популярностью и интересует преимущественно тех, кто в них работает. Даже учитывая повсеместный тренд среди, например, врачей по самопродвижению в социальных сетях и по популяризации доказательной медицины, те сленговые лексические единицы, которые они используют в своей речи, не закрепляются в речи подавляющего большинства людей и соответственно не переходят в общий лексический состав.

В повседневной коммуникации, как правило, отсутствует потребность в использовании профессионального сленга. При обозначении явлений, редко встречающихся за пределами профессиональной сферы, носители языка, не обладающие специальными знаниями и опытом, предпочитают прибегать к общеупотребительной лексике.

Поскольку тема данной работы охватывает динамику сленговой лексики шведского языка в целом, стоит отметить, что некоторые слова, относящиеся по своей природе к профессиональным сферам деятельности, но изначально не являющиеся сленгом, могут со временем им стать, а позже закрепиться и в основном лексическом составе языка.

В качестве примера можно рассмотреть глагол *skrolla*, заимствованный из английского языка. В английском языке глагол *scroll* обозначает ‘прокручивать’. В сфере информационных технологий данный глагол используется для обозначения перемещения отображаемого на экране материала вверх или для быстрого просмотра текста посредством прокрутки.

В дальнейшем слово *skrolla* стало употребляться и за пределами профессиональной IT-сферы, сохраняя указанное значение, что зафиксировано, в частности, в нормативных словарях. Однако с ростом популярности социальных сетей данная лексема приобрела более узкую семантическую привязку и стала преимущественно ассоциироваться с прокруткой новостной ленты, в связи с чем чаще используется именно в этом контексте [11; 13].

Аналогичная тенденция наблюдается и в русском языке: глагол «скроллить», как правило, употребляется в значении ‘листать ленту в социальных сетях’. Таким образом, лексическая единица, первоначально функционировавшая как термин в сфере IT, в результате семантического сужения и расширения сферы употребления приобрела статус общеупотребительного сленгового слова.

Еще одним примером может послужить слово *mjölka*. В переводе на русский оно означает «доить» и, очевидно, пришло из сферы сельского хозяйства. Впервые начало использоваться в сленговом значении еще в 16 веке [16] и по сей день сохраняет актуальность. В русском слово «доить» может также использоваться в значении «извлекать максимальную выгоду». Выходит, слова являются полными эквивалентами. С 2011 года слово *mjölka* внесено в онлайн-словарь шведских сленговых слов и выражений [15], однако в SAOL 14, 2015 года, его сленговое значение также указано. Таким образом, это может свидетельствовать о том, что слово стало в достаточной степени широко употребляемым и считается, скорее, просто разговорным.

Можно сказать, что в целом лексика, используемая в тех или иных профессиональных сферах, может пройти путь до становления сленгом, а после – и общеупотребительной, но именно о профессиональном сленге такого сказать наверняка пока нельзя. Выходит, когда речь идет о переходе сленга в общий лексический состав, касается это прежде всего молодежного сленга, поскольку в большинстве случаев он нацелен на распространение через многочисленные каналы коммуникации, а профессиональный – нет.

Проведенная работа по анализу динамики сленговой лексики в шведском языке позволила выявить комплексную природу этого языкового явления и определить основные закономерности его функционирования. Также удалось проиллюстрировать то, насколько важным компонентом языковой системы является сленг в силу своей способности отражать социальные и психологические процессы, протекающие в обществе.

Одним из главных выводов является установление фундаментальных различий между двумя категориями сленга (молодежным и профессиональным) с точки зрения их потенциала перехода в общеупотребительную лексику. В этом отношении молодежный сленг демонстрирует высокую способность к этому благодаря своей социальной направленности, экспрессивности и активному распространению через современные медиаплатформы. С профессиональным сленгом дела обстоят противоположным образом, ведь его главная функция ограничивается в основном оптимизацией коммуникации внутри группы, а одной из основных отличительных черт является узкая тематическая направленность, создающая барьер для широкого распространения.

Также важным результатом работы стало выявление механизмов лексикографической фиксации сленга. Включение любых лексических единиц в нормативные словари происходит на основе критериев частотности их употребления. Согласно выдвинутому предположению, когда сленговые слова включают, например, в SAOL (не специализирующийся на сленге), это подтверждает тот факт, что слово вышло за пределы той социальной группы, в которой возникло и использовалось изначально, и стало обиходным.

Таким образом, шведский сленг представляет собой динамичную систему, находящуюся в постоянном развитии. Ее изучение позволяет не только понять современные языковые процессы, но и прогнозировать дальнейшие пути развития шведского языка в условиях цифровизации и глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеева, Н. А. Мультиэтнический язык молодежи как новый регистр шведского языка / Н. А. Асеева // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. – Вып. 7 (836). – С. 22–32.

2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.

3. Гареева, Л. М. Современный молодежный сленг: его источники и разновидности / Л. М. Гареева // Международный научно-исследовательский журнал (International Research Journal). – 2021. – № 9 (111), ч. 3. – С. 129–131.

4. Савицкая, А. В. SAOL 14 – новый этап в эволюции нормативного словаря Шведской академии / А. В. Савицкая // Скандинавская филология. – 2016. – Т. 14, № 1. – С. 71–80.

5. Хомяков, В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия / В. А. Хомяков. – Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1971. – 381 с.

6. Чекалина, Е. М. Что произошло и происходит в современном шведском языке? / Е. М. Чекалина // Скандинавская филология. – 1999. – № 6. – С. 35–46.

7. Nilsson, A. N. Om slangspråk, småkryp och amatörer / A. N. Nilsson // Skörvnöpparn. – Umeå, 2017. – Årg. 9, häfte 1. – S. 47–51.

8. Kotsinas, U.-B. Språkets uppkomlingar / U.- B. Kotsinas // Språkvård. – 2003. – Nr. 3. – S. 4–10.

9. Kotsinas, U.-B. Ungdomsspråk: Ord och stil / U.-B. Kotsinas // NyS – Nydanske Studier & Almen Kommunikationsteori. – 1995. – Nr. 20. – S. 91–102.

ИСТОЧНИКИ

10. Chilla, låt löven ligga kvar! – URL: https://www.sverigesradio.se/artikel/chilla-lat-loven-ligga-kvar (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

11. Forskaren: Så påverkas du av dina sociala medier. – URL: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/vast/sa-paverkas-du-av-dina-sociala-medier (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

12. Hur förändras svenskan? – URL: https://si.se/sa-arbetar-vi/svenskan-i-varlden/artiklar-om-sprak/hur-forandras-svenskan/ (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

13. Scrollande. – URL: https://www.novapsykiatri.se/scrollande (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

14. Ska du chilla eller tjalla, kompis? – URL: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/skane/ska-du-chilla-eller-tjalla-kompis (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

15. Slangopedia. – URL: https://www.slangopedia.se (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

16. Svenska Akademiens ordbok (SAOB). – URL: https://www.saob.se/ (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

17. Svenska Akademiens ordlista (SAOL). – URL: https://svenska.se/saol/ (дата обращения: 10.11.25). – Текст : электронный.

N.Yu. Linevich

DYNAMICS OF SLANG VOCABULARY IN CONTEMPORARY SWEDISH

The article examines the dynamics of slang vocabulary in contemporary Swedish. It analyses the functions of slang, the mechanisms of its formation, and the ways in which slang units may enter the general lexicon. Particular attention is given to social and communicative factors as well as to the role of digital communication in these processes.

Swedish, slang, colloquial vocabulary, language dynamics, digital communication.